

К 80-ЛЕТИЮ ХАРЬКОВСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В.П. ЗИНЧЕНКО

Статья написана на основе доклада, сделанного на Международной конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы (Харьков, октябрь 2012 г.), организованной Харьковским национальным педагогическим университетом им. Г.С. Сковороды. Вниманию читателя предлагаются как личные впечатления и воспоминания автора о событиях и людях, так и почерпнутые из рассказов представителей старших поколений психологов, причастных к этим событиям. Харьковская психологическая школа рассматривается в контексте развития отечественной психологии.

Ключевые слова: научная школа, научное сообщество, научное направление, Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.И. Аснин, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

А.С. Пушкин

Насущное отходит в даль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

В. Гёте

I

Все в мире переплетено! А нередко, как добавил поэт, мою собственной рукой. Ни отдельный ученый, ни научная школа не возникают на пустом месте. Вся европейская наука имеет свои корни в древних Афинах. Об этих корнях заботятся историки науки. Экспериментальная (научная) психология в императорской России, как и во многих других странах, имеет свои корни в Германии.

Свои интересные переплетения и пересечения имеет российско-украинская психология. Предложу свою пробную версию¹

¹ Я – не историк науки – не ставил своей целью исчерпывающее, источниковедческое описание истории Харьковской психологической школы. Вниманию читателя предлагаются как мои собственные впечатления и воспоминания о событиях и людях, так и почерпнутые из рассказов старшего поколения психологов. Я благодарю Антона Ясницкого, профессионально занимающегося историей психологии, за сделанные замечания и уточнения.

анализа подобных пересечений и влияний, которые чаще всего бывают взаимными. Произвольно возьму фигуру И.М. Сеченова, которого справедливо считают отцом русской физиологии. Будем считать его дедушкой российской психологии. Он работал в ряде университетов Германии, в Санкт-Петербургском университете. Оставил свой след и на Украине, будучи заведующим кафедрой физиологии в Новороссийском университете в Одессе (1871–1876), потом в Москве. В Одессе традиции И.М. Сеченова продолжил Н.Н. Ланге (стажировавшийся в Лейпцигской школе у В. Вундта, в университетах Берлина, Парижа), оказавший большое влияние на многих психологов России и Украины. Прямым учеником Н.Н. Ланге был Д.Г. Элькин (1895–1986), многие десятилетия заведовавший кафедрой психологии Одесского университета и имевший тесные контакты с психологами Москвы, Киева, Харькова.

Покинем на некоторое время Одессу и вместе с Г.И. Челпановым, окончившим

Новороссийский университет, переместимся в Киев. Не исключено, что Г.И. Челпанов тоже пересекался с Н.Н. Ланге. В Киеве он получил звание профессора психологии и философии, а в 1907 г. переехал в Москву. В 1910–1911 гг. он знакомился с работой психологических лабораторий и институтов Германии и США. В 1912 г. произошло самое важное событие в истории российской психологии: Г.И. Челпанов открыл Психологический институт, построенный на средства купца С.И. Шукина. Конечно, в России и до создания Института психология развивалась в ряде университетов, в 1908 г. В.М. Бехтерев открыл огромный по тем временам Психоневрологический институт. Однако очень скоро, примерно с 1910 г., психология превратилась в психорефлексологию, а в 1917 – в «чистую» рефлексологию. Как показало время, рефлексология для психологии оказалась бесплодной. Более того, она, как и многие психологи от физиологии до и после нее, позволяла себе в адрес психологии акты недружелюбия, а то и агрессии. В.М. Бехтерев, в отличие от И.П. Павлова, негативно отнесся к созданию Психологического института. Он выразил пожелание, чтобы наука искусственно не загонялась в «привилегированные палаты университетов» и сразу служила практике. В 1929 г. последователь В.М. Бехтерева молодой рефлексолог Б.Г. Ананьев даже сравнивал психологию с алхимией и отказывал ей в праве на существование. (Когда Б.Г. Ананьев повзрослел, он утверждал, что психология – это центральная наука в рамках человековедения.) По сравнению с рефлексологией реактология К.Н. Корнилова в челпановском институте возникла значительно позже и была незначительным эпизодом в его развитии. Причина в том, что Г.И. Челпанов шел к психологии естественным путем: не от мозга, а от головы и сердца, от философских воззрений на мир, душу и сознание. Его ученики Г.Г. Шпет и В.В. Зеньковский, еще находясь в Киеве,

писали специальные трактаты в защиту понимаемой как наука о душе психологии от физиологического редуccionизма и психофизиологического параллелизма. Кто знает, может быть, психологи зря обижаются на физиологов: вдруг их собственные психика, мышление и сознание действительно функции мозга? А серое вещество мозговой коры – орган души. А вдруг они, в самом деле, мыслят на уровне рефлексов, все равно каких – безусловных, условных или сочетательных? Тогда нужно не обижаться на них, не спорить с ними, а сочувствовать им, не удивляться новым ассоциациям и сочетаниям, переходам от коллективной рефлексологии к социальному мозгу. Будем ждать новых результатов: чем последний отличается от асоциального или антисоциального мозга...

Психологический институт стал колыбелью и для научной школы Л.С. Выготского, породившей Харьковскую психологическую школу. Большую помощь в создании института Г.И. Челпанову оказал приглашенный из Киева его ученик Г.Г. Шпет. Последний дополнял свое киевское образование, работая в библиотеках Берлина, Эдинбурга, Лондона, общаясь с главой Вюрцбургской психологической школы О. Кюльпе. Он слушал лекции Э. Гуссерля, работал в его семинарах и тесно сотрудничал с ним. В 1920-е гг. в Москве происходят интересные пересечения и не слишком вдохновляющие события. По рассказам современников, в 1923 г. ученик Челпанова К.Н. Корнилов пишет в ЦК ВКП(б) доклад на своего учителя, обвиняет его в идеализме, в том, что он до сих пор считает психологию наукой о душе, и сам становится директором института. Уже при К.Н. Корнилове в 1923 г. в институт приходит А.Р. Лурия и застаёт в нем А.Н. Леонтьева, считавшего себя учеником Г.И. Челпанова. В 1925 г. по рекомендации А.Р. Лурии и по приглашению К.Н. Корнилова в институт приходит Л.С. Выготский, который в 1913–1917 гг.

помимо юридического факультета МГУ учился на историко-филологическом факультете Народного университета А.С. Шанявского. Там он слушал лекции Г.Г. Шпета и два года работал в его семинаре (в чем он, правда, сам никогда не признавался). Теперь, когда уже изданы почти 10 томов трудов Г.Г. Шпета, мы знаем, что ему принадлежат как минимум пролегомены к культурно-исторической теории сознания. Только в своих поздних воспоминаниях А.Н. Леонтьев единственный раз упомянул имя Г.Г. Шпета, назвав его самым знаменитым профессором Психологического института.

На педологическом факультете 2-го МГУ в конце 1920-х гг. лекции киевлян П.П. Блонского, Г.Г. Шпета слушали и будущие участники Харьковской школы В.И. Аснин, Л.И. Божович и киевлянин А.В. Запорожец (туда же поступал и учитель с нижней Волги П.И. Зинченко, но не был принят и встретился с ними уже в Харькове). Однако основным учителем Л.И. Божович и А.В. Запорожец считали Л.С. Выготского.

Не стану обсуждать причин, по которым москвичам, в том числе новоиспеченным, в начале 1930-х гг. стало неуютно в Москве, и их прельстила столица Украины – Харьков. Так или иначе, но Л.С. Выготский, М.С. Лебединский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев были приглашены в Харьков, потом к ним присоединились Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Все, кроме Л.С. Выготского, оказались в Харькове, в Психоневрологической академии, а затем «оккупировали» и другие учреждения, где распространяли «психологическую заразу». Конечно, и до их приезда в старом университетском городе Харькове (университет основан в 1805 г.) были свои психологические традиции. Достаточно вспомнить А.А. Потебню, которого психологи, филологи, да и философы считают своим коллегой, педолога А.С. Залужного, психофизиолога труда Ф.Р. Дунаевского

и других. Экспликацией этих традиций мы обязаны Е.Ф. Ивановой и А. Ясницкому.

Чтобы понять, почему в Харьков не поехал Л.С. Выготский, уже утвержденный осенью 1931 г. в должности заведующего кафедрой генетической психологии Государственного института подготовки кадров Наркомздрава Украины, вернемся в Одессу. В 1920 г. Н.Н. Ланге пригласил получившего философское образование в Германии С.Л. Рубинштейна на кафедру психологии Одесского университета. Единственно полезным для психологии следствием Октябрьской революции было то, что философы С.Л. Рубинштейн и П.П. Блонский (как и Г.Г. Шпет, учившийся в Киевском университете у Г.И. Челпанова и учивший в Народном университете Л.С. Выготского) разумно переориентировались с философии на психологию. После смерти Н.Н. Ланге в 1921 г. на один год С.Л. Рубинштейн становится заведующим кафедрой психологии. Тогда же он пишет свою знаменитую статью «Принцип творческой самодеятельности», которую справедливо считают началом развития деятельностного подхода в психологии. Подозреваю, что его уволили в 1922 г. по тем же причинам, по которым из этого университета в свое время был уволен И.И. Мечников. С.Л. Рубинштейн, в отличие от него, оказался не в Париже, а в Ленинграде, где в 1930 г. возглавил кафедру психологии ЛГПИ им. Герцена. Именно он пригласил Л.С. Выготского занять место М.Я. Басова, погибшего в 1931 г. Л.С. Выготский принял это приглашение и с осени 1931 г. стал систематически ездить в Ленинград. Позднее С.Л. Рубинштейн пригласил и А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский продолжал сотрудничать со своими бывшими коллегами и учениками, бывал в Харькове наездами. В Ленинграде он встретил своего нового ученика, ставшего выготчанином до мозга костей, – Д.Б. Эльконина. Именно он на конференции, организованной в 1938 г. Харьковским педагогическим

институтом, дал старым и новым харьковчанам имя «Харьковская психологическая школа». А ведь Л.С. Выготского тогда уже не было, а А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия жили в Москве. Руководителем кафедры вместо А.Н. Леонтьева стал А.В. Запорожец.

Вернемся в 1932 г. Вновь прибывшие встретили в Харькове психологов П.Я. Гальперина, А.И. Розенблюма, В.И. Аснина, Ф.В. Бассина, П.И. Зинченко, Г.Д. Лукова, О.М. Концевую и других.

Оставляю пока в стороне содержательную сторону замечательно плодотворного десятилетия, за которое было сделано неправдоподобно многое. Этому не помешал даже сравнительно ранний отъезд из Харькова А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии (между 1934 и 1936 гг.). Трудно сказать, какое развитие получила бы школа, если бы не Большой террор и не Большая война, развязанная братьями по крови или кровавыми братьями — Сталиным и Гитлером.

В эпоху террора школа лишилась А.И. Розенблюма. Из войны она вышла без потерь, хотя П.И. Зинченко и Г.Д. Луков воевали. Но мирные потери были. К покинувшим Харьков москвичам присоединились и другие. В 1942 г. С.Л. Рубинштейн создает кафедру психологии в МГУ и приглашает на нее уже начинавших то ли ревновать, то ли соперничать с ним единомышленников по деятельностному подходу — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию, П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца. Все они составили костяк будущих отделения, а затем и факультета психологии МГУ (тогда же С.Л. Рубинштейн сделал попытку демобилизовать оказавшегося на короткое время в Москве лейтенанта П.И. Зинченко, но не успел; его снова отправили на фронт). Г.Д. Луков осел в Ленинграде, занялся военной психологией. Л.И. Котлярова переехала во Львов. Т.И. Титаренко надолго оставила психологию, она перешла на партийную работу, потом в Москве закончила аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и вскоре

ушла из жизни. Но школа вовсе не была обескровлена. Начинается послевоенный этап ее развития. Устанавливаются тесные связи с Киевом. Директор Киевского института психологии Г.С. Костюк организует в Харькове психологическую лабораторию — филиал своего института. Харьковчане активно публикуют свои работы в «Научных записках» Киевского института психологии. Не прерываются и связи с Москвой. До 1948 г. я наблюдал приезды в Харьков П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева. Потом к ним присоединились В.В. Давыдов и Ваш покорный слуга, приезжавший не только «на побывку» домой, но и по служебным инженерно-психологическим делам. Москва прислала сюда В.В. Репкина и Г.В. Репкину. Были и другие выпускники МГУ. Выращивались и воспитывались свои кадры. Но это уже другая сказка. Ее должны рассказывать другие.

Два слова о себе. Наше поколение было счастливым. Мы учились у С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, К.М. Гуревича, Б.В. Зейгарник, замечательного антрополога Я.Я. Рогинского, а также у бывших «харьковчан»: П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии. Я чувствовал расположение Л.И. Божович, переехавшего в Москву Ф.В. Бассина, не утратившего контакта с психологами. Он на страницах журнала «Вопросы психологии» дискутировал с А.Н. Леонтьевым о предмете психологии, защищал А.Р. Лурию от нападок физиологов, упрекавших создателя нейропсихологии в идеализме. Впрочем, спасибо им. Защищаясь, Александр Романович написал антиредукционистскую статью, которая посмертно была опубликована в «Вопросах философии» в № 9 за 1977 г. Ф.В. Бассин, организовавший совместно с А.С. Прангишвили и А.Е. Шерозия в 1979 г. в Тбилиси по тем временам совершенно неправдоподобную по тематике и масштабам конференцию по проблеме бессознательного, пригла-

сил на нее многих психологов. Не забыл и меня. Он принял мой доклад «Установка и деятельность: нужна ли парадигма?», в котором я развивал идею А.В. Запорожца о наличии у человека иерархии установок.

У меня сложилось впечатление, что и Д.Б. Эльконин ощущал себя полноправным харьковчанином. В его общении с П.Я. Гальпериним, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко всегда звучала какая-то трогательная нотка. Д.Б. Эльконин и меня одарил своим расположением, а когда я повзрослел, то и дружбой. Во время приездов в студенческие годы в Харьков меня неизменно экзаменовал В.И. Аснин. И экзаменовал много строже, чем мои непосредственные учителя, и врал по поводу их либерализма.

Мне кажется, что изложенная мною, разумеется, неполная, в чем-то гипотетическая и проблематичная версия свидетельствует о нормальном пути становления и развития научной школы. Лучшим доказательством того, что Школа состоялась, был приезд С.Л. Рубинштейна в Харьков на упомянутую выше конференцию 1938 г. Хотя он и не согласился с утверждением Д.Б. Эльконина, что Школа есть, во втором издании «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейн сослался на исследования харьковчан, выполненные в довоенные годы. Конечно, с Лейпцигской школой В. Вундта никто конкурировать не может, но с Вюрцбургской, Марбургской или Берлинской Харьковская вполне могла соперничать.

II

В первой части я очертил внешнюю канву становления Харьковской психологической школы. Здесь попытаюсь кратко выделить и охарактеризовать ее достижения, остановившись преимущественно на первом неполном десятилетии ее существования. Оставлю пустые споры о том, кто первый провозгласил деятельный подход или психологическую теорию

деятельности. Во-первых, подход есть, а теории по сей день нет. Ее нет даже в классической немецкой философии. Разумеется, С.Л. Рубинштейн еще в 1922 г. написал статью о деятельности. В то время А.Н. Леонтьев был еще студентом и ни о какой теории деятельности не помышлял. П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, М.Я. Басов и другие отечественные философы, педагоги и психологи писали о деятельности, но не о ее теории. Об отсутствии психологической теории о «предметном», операционном содержании деятельности писал и П.Я. Гальперин. П.А. Флоренский утверждал, что теория деятельности, как и теория личности, в принципе невозможна, так как и то и другое есть нарушение закона тождества. Рассуждения о структуре и функциях того и другого не заменяют теории. В.Ф. Гумбольдт одним из первых начал рассматривать язык как деятельность, а Г.Г. Шпет в 1922 г. в «Эстетических фрагментах», в 1927 г. во «Внутренней форме слова» развил эти представления. Его анализ строения внешней и внутренней форм *целого* слова внес существенный вклад в преодоление классической оппозиции внешнего и внутреннего. Здесь он был категоричен, заявляя, что нет ни одного атома внутреннего без внешности. Вся душа есть внешность. Зато и удары, которые наносятся ей, — морщины и шрамы на внешнем нашем лице. К сожалению, этот вклад многие десятилетия не замечался (игнорировался?) психологами. Все же я подозреваю, что Г.Г. Шпет оказал влияние на слушавших его лекции Л.С. Выготского, А.В. Запорожца и других, хотя они, возможно, не осознавали этого.

Возвращаясь к теории деятельности, скажу, что вообще научная школа не создает теорий, их создают отдельные ученые, конечно, если им повезет и хватит ума и таланта. В начале 1970-х гг. Э.Г. Юдин справедливо заметил, что квинтэссенцией деятельностного подхода является действие (Г.Ф. Гегель бы добавил: в нем инди-

видуальность действительна). Например, П.И. Зинченко достаточно решительно утверждал, что общей единицей структурного, функционального и генетического анализа произвольного и произвольного запоминания является действие человека. Разумеется, действие, осуществляющееся в более широком контексте жизнедеятельности. И действие, а не деятельность стало главным предметом исследований Харьковской школы. Не просто действие, а *психическое действие* в своих орудийных и символических, т.е. в культурных формах (сказалось влияние Л.С. Выготского). При этом большая часть исследований проводилась на детях, что позволяло проследить становление и организовывать формирование тех или иных действий. Приведу некоторые примеры.

- П.Я. Гальперин изучал становление и формирование простейших орудийных действий у детей. В послевоенные годы эта линия была продолжена А.В. Запорожцем в исследованиях развития произвольных движений, а П.Я. Гальперин изучал этапы формирования умственных действий и понятий.

- А.В. Запорожец изучал развитие сенсорных и перцептивных действий. Под его руководством была выполнена диссертация Л.И. Котляровой, в которой сравнивалось пассивное и активное осязание. Он же начал изучение умственных действий и предложил схему их двухактности: первый акт — открытие смысла, второй — придание значения. В послевоенные годы А.В. Запорожец колебался в выборе предмета исследования: то ли развитие мышления, то ли развитие произвольных движений и действий. Выбрал последнее. Видимо, захватили и увлекли работы по восстановлению движений у раненых бойцов, которыми он вместе с Н.А. Бернштейном, С.Г. Геллерштейном, а затем с А.Н. Леонтьевым и другими психологами занимался во время войны. А П.Я. Гальперин обратился к изучению развития мышления.

- Г.Д. Луков начал поиск и изучение генеза символических действий как таковых в раннем возрасте (об этом, к несчастью, остались лишь скудные ссылки в работах Д.Б. Эльконина). Много позже к раннему «детскому символизму» обратились Д. Винникот и другие психоаналитики.

- В.И. Аснин был одним из экспериментаторов, проводивших исследования генезиса нового вида чувствительности — цветоразличения кожей ладоней (см. об этом ниже). Он изучал также роль наглядных демонстраций и собственных действий ребенка при формировании научных понятий. Ему принадлежат интересные результаты, связанные с зависимостью решения задач от мотивов и смыслов, а не только от их содержания. Наконец, В.И. Аснин сравнивал осознанные и неосознанные условия формирования двигательных навыков.

- Л.И. Божович уже в Харькове привлекли проблемы мотивации. Она изучала возникновение познавательных мотивов и их роль в формировании теоретического мышления. Совместно с П.И. Зинченко она начала изучать формирование понятий, рассматривая этот процесс как действие. В послевоенные годы эту линию исследований продолжила О.М. Концевая.

- П.И. Зинченко начал изучать забывание в качестве активного процесса (не нужно смешивать с активным эмоциональным вытеснением, хотя некоторое сходство имеется). Затем он рассматривал произвольное и произвольное запоминание, познавательное действие и понимание как полноценные действия с их мотивами, целями, средствами, операциональным составом, условиями и результатами.

Этот коллектив не ограничился изучением познавательных и исполнительных действий. А.В. Запорожец вместе с К.Е. Хоменко, Т.И. Титаренко, Д.М. Арановской начали изучение становления эстетического восприятия и понимания,

а также эстетических реакций детей. Они подошли к деятельностной трактовке переживаний и сопереживаний, наблюдая переходы от со-действия к со-участию, к со-чувствию, затем к со-переживанию.

Перечисленные (и не перечисленные) исследования *психических действий* (именно этот термин использовал П.И. Зинченко) далеко выходили за рамки эмпирии. В них содержался солидный практический и теоретический потенциал. Он лишь частично был использован А.Н. Леонтьевым в развитии его представлений о деятельности и ее структуре. Последнюю называют трехчленной или трехэтажной двучленной, в которой деятельности, действию, операции поставлены в соответствие мотивы, цели, условия. Бросается в глаза, что в предложенной им структуре деятельности, как и в позднее выделенных им «образующих сознания», не нашлось места для переживания. Главными для него были значения и смыслы. Он не мог принять идею Л.С. Выготского о том, что единицей сознания и личности являются переживания. У Ф.В. Бассина значащие переживания — это предмет психологии. Аналогом значащих переживаний у Г.Г. Шпета являются пристрастные со-значения, находящиеся между значениями и смыслами. Именно они, с его точки зрения, являются предметом психологии.

При всей кажущейся скупости структура деятельности А.Н. Леонтьева до сих пор лежит в основании большого числа предложенных разными авторами структур, модифицирующих и дополняющих ее. А.Н. Леонтьев выделил в деятельности самое существенное, и оспорить его достаточно абстрактную схему пока никому не удалось. Нужно сказать, что ее модификациям и дополнениям вовсе не всегда сопутствовало увеличение объяснительного потенциала, впрочем, достаточно скромного по сравнению со схемой А.Н. Леонтьева. Структуры психических действий, как двигательных, так и ментальных, изу-

чены и представлены значительно более детально. Богаче и их объяснительный потенциал.

Отвечу сразу на возможный вопрос об оригинальности складывавшегося направления изучения психических действий. Ведь еще в 1920-е гг. А. Валлон и Л.С. Выготский называли память действием. А. Валлон же написал книгу «От действия к мысли». Эти мотивы содержатся в философии А. Бергсона, у позднего Ж. Пиаже. Можно спускаться и глубже. И.М. Сеченов говорил об участии в мышлении не только чувственных рядов, но и рядов *личного действия*. Н.Н. Ланге сформулировал стадийный (уровневый) закон перцепции, развил моторную теорию внимания и выдвинул положение, согласно которому двигательные реакции первичны по отношению к внутренним психическим актам.

Предупреждая возникновение подобного недоумения, я не случайно начал этот разговор с Одессы, с И.М. Сеченова и Н.Н. Ланге. Не стану «оправдывать» харьковчан ссылкой на то, что вопрос о приоритете всегда весьма щекотлив. Но все дело в том, что они изучали не реакции и не рефлексы, а акции, действия. Возможно, они это делали не без косвенного (через А.Р. Лурия) влияния Н.А. Бернштейна. Ведь А.Р. Лурия и Н.А. Бернштейн сотрудничали с ранних 1920-х гг. Но главное состоит в том, что они рассматривали сами движения и действия не только как условия внутренних психических актов, а как таковые. Другой вопрос об их дальнейших превращениях. Поэтому они все, за исключением П.Я. Гальперина, были равнодушны к идее интериоризации. Думаю, не без влияния уроков Г.Г. Шпета они преодолевали оппозицию внешнего и внутреннего.

Идею *действия* принял и С.Л. Рубинштейн. Во втором издании «Основ общей психологии» он признал действие единицей анализа психики, своего рода клеточкой, неразвитым началом развитого

целого. Он писал, что действие содержит в себе элементы всей психологии (поступок у С.Л. Рубинштейна выступал как единица анализа поведения). Этот вывод на основании исследований харьковчан должен был сделать А.Н. Леонтьев. Но не сделал. Возможно, в этом одна из причин его ревнивого отношения к С.Л. Рубинштейну, которое его сопровождало всю жизнь. Уходя от нас, он оставил задачу поиска такой единицы будущим исследователям.

В отличие от С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконин вышел за пределы индивидуального действия и рассматривал совокупное действие ребенка со взрослым как единицу развития психики. Проблема единиц анализа и развития весьма коварна. В психологии почти не осталось феноменов, не побывавших в этой роли: ассоциация, гештальт, установка, рефлекс, реакция, операция, действие, акт отражения (образ), переживание и т.д. В. Гёте, перебирая в свое время возможные *начала бытия*: Слово, Мысль, Сила, Деяние, — остановился на последнем. Но за каждым из этих феноменов ведь имеется свое *за*, и не одно. Например, Л.С. Выготский писал, что мысль еще не последняя инстанция... За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция (а еще значения и смыслы). Он же, вслед за Спинозой, говорит и об идее, становящейся аффектом. Исследования харьковчанами когнитивных актов как действий, за которыми и внутри которых тоже стоят подобные тенденции, открыли дорогу рассмотрению действия как гетерогенного образования. Это в значительной степени смягчило остроту проблемы поиска некой универсальной единицы, перевело ее в спокойное русло создания таксономии единиц анализа психики, сознания, личности.

Проблема *начала* волновала и философов. Блаженный Августин в «Исповеди» благодарил Бога за то, что Он дал ему разум, который помог ему понимать речь окружающих его взрослых. Г.Г. Шпет писал, что

ребенок как представитель человеческого рода одарен интеллигентной (разумной) интуицией. По М. Хайдеггеру — это бытийное понимание. Подобный сюжет развивали М.К. Мамардашвили, В.В. Бибихин. Это такое начало, которое не результат, а условие развития; оно похоже на интегральное декартово *cogito*, соединяющее в себе могу — мыслью — понимаю. Гетерогенность образований (феноменов), претендующих на статус единиц анализа или начал, представляет собой первичную интегральность главных атрибутов души — познания, чувства, воли. Не проще ли назвать кошку кошкой и положить в основание развития душу, а не заменять ее различными эвфемизмами? Конечно, целая душа, помимо названных атрибутов, обладает еще чем-то таинственным, избыточным (ср. М. Цветаева: *Душа родилась крылатой; Ты — ласточка моя, Психея*), что не позволяет ее *делить на разум без остатка* (В. Гёте). Но ведь своим избытком обладают образ, действие, чувство, что не мешает им быть претендентами на роль начала. Если же кого-то смущают связанные с душой религиозные коннотации, то ее, вслед за М.М. Бахтиным, можно рассматривать как дар матери своему чаду, как дар моего духа другому человеку (или как дар человеческого рода). К тому же религии никто не давал монопольного права на изучение, а тем более — на владение душами людей. Да и сказать о повышенном или хотя бы достаточном внимании церкви к душе и духу было бы сильным преувеличением. У нее хватает своих забот.

Харьковчан волновали фундаментальная и общепсихологическая проблематика, вопросы теории и методологии психологии, ее предмета. Для П.Я. Гальперина вообще не существовало непререкаемых авторитетов. Он критически анализировал работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Н. Узнадзе, строил свои представления о предмете психологии. В.И. Аснин был внимателен к методологическим пробле-

мам, к условиям надежности психологических исследований. Он не только знал и сочувственно относился к методологическим поискам и экспериментальным находкам К. Левина и его сотрудников, но и сам проводил подобные исследования. В.И. Аснину удавалось создавать напряженное поле между двумя испытуемыми или между испытуемыми и экспериментатором, которое существенно влияло на результаты эксперимента. Разделял взгляды К. Левина не только он. Были даже планы организации «Kurt Levin Symposium» или «Topologische Meeting» в Харькове в 1936 г. Видимо, как всегда, в деле международного сотрудничества инициатором был А.Р. Лурия. Наличие таких планов само по себе весьма показательно. К счастью, им не дано было осуществиться, иначе в 1937 г. все участники такой встречи были бы или репрессированы, или уничтожены. И без того люди жили в постоянном страхе. В 1936 г., по воспоминаниям Т.О. Гиневской — жены А.В. Запорожца, — ее мужа неоднократно вызывали к следователю по политическим делам, который часами уговаривал его признаться в том, что он член «вредительской» группы.

Апофеозом теоретико-методологических притязаний Харьковской школы была попытка А.Н. Леонтьева решить одну из геккелевских мировых загадок — вопрос о природе и происхождении психики (а затем и сознания). Разумеется, тайна осталась тайной, хотя вместе с А.В. Запорожцем они задумали и осуществили эксперимент по формированию новой способности (новой функции или нового функционального органа) у взрослых испытуемых. Речь идет о научении испытуемых цветоразличению кожей ладони. А.Н. Леонтьев представил этот эксперимент как лабораторную модель возникновения психики. Авторы добились своего, хотя и по сей день высказываются сомнения в достоверности результатов. Мои сомнения умеряются тем, что в качестве

одного из экспериментаторов был строгий В.И. Аснин. Еще один довод в пользу достоверности результатов связан с тем, что оппонентом по докторской диссертации А.Н. Леонтьева, частью которой стало это исследование, был, наряду с С.Л. Рубинштейном, выдающийся физиолог Л.А. Орбели.

Гипотеза о природе психики возникла не на пустом месте. Ей предшествовали зоопсихологические исследования, в том числе изучение изменчивости поведения дафний (переменными были изменения освещенности аквариума), проведенные А.Н. Леонтьевым, Ф.В. Бассиным и Н.Н. Соломахой в 1933–1934 гг. Суть гипотезы состояла в том, что важнейшим свойством психики является возникновение чувствительности к биологически нейтральным (витально безразличным) свойствам окружения. Именно такие свойства необходимы для ориентации при переходе организмов из гомогенной среды (среды стихии) в дискретную, вещно оформленную среду, состоящую из отдельных предметов. Другими словами, переход от раздражимости к чувствительности знаменует собой возникновение психики. Разумеется, такая чувствительность — необходимый ее признак. Не стану обсуждать, достаточный ли? Обращусь к другому исследованию, выполненному по замыслу А.В. Запорожца М.И. Лисиной уже в 1950-е гг. Она обучила испытуемых произвольно управлять произвольными сосудистыми реакциями и нашла, что для того, чтобы такие реакции стали управляемыми, они должны прежде стать осязаемыми. Таким образом, была сформирована еще одна новая форма чувствительности, но уже не к внешнему нейтральному раздражителю, которому, впрочем, в исследовании А.Н. Леонтьева была придана высокая психологическая значимость. Это чувствительность к собственной, обычно неосязаемой и произвольной моторной сосудистой реакции.

Речь идет не просто о чувствительности к собственному движению, а о *чувствительности движения* к самому себе. Это принципиально новый признак психики по сравнению с тем, который продемонстрировал А.Н. Леонтьев в экспериментах с цветочувствительностью ладони. Именно этот вид чувствительности делает движение живым. Н.А. Бернштейн говорил, что для овладения движением мало видеть его снаружи, нужно научиться видеть его изнутри. С понятием «живое движение» (Н.А. Бернштейн) может поспорить понятие «творящее движение» (В.В. Кандинский). Творящее движение обладает двумя составляющими: напряжением, т.е. живущей внутри него силой, и направлением. К этому следует добавить «чувство порождающей активности» (М.М. Бахтин).

Вновь обратимся к философам и поэтам, которые многое знают прежде науки. Г.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» дал вполне земную характеристику духа. Дух не есть нечто абстрактно простое, а есть система движений, различающая себя в моментах. Различение себя в моментах — необходимое условие управляемости движения и фундамент рефлексии. Пуля — дура, свой полет в моментах она не различает. Чтобы различать себя в моментах, необходима способность заглядывать внутрь самого себя. О. Манделштам в «Разговоре о Данте» предложил метафору поэтической материи в виде серии конструируемых *по ходу полета* аэропланов, последовательно выпархивающих один из другого. (Он назвал их также многоступенчатым снарядам.) Необходимым условием полета и конструирования этого, по словам поэта, технически немислимого устройства является его способность заглядывания внутрь самого себя. В применении к психологической реальности метафора О. Манделштама перестает быть метафорой. Психологическая реальность именно так и развивается. Мы меняемся и строим себя на ходу. *Покой нам только снится.*

Добавим к этому, что Н.Д. Гордеева в развитие идей А.В. Запорожца и М.И. Лисиной различила в живом движении два вида чувствительности: чувствительность к собственному положению и состоянию и чувствительность к ситуации. Она обнаружила, что для эффективного решения даже элементарной двигательной задачи требуется чередование обоих видов чувствительности несколько раз в секунду и сопоставление их показаний. Другими словами, был обнаружен феномен рефлексии без Я, названный фоновой рефлексией. Это уже не косные инстинкты и не близорукие рефлексии, которые ничего, кроме себе подобного, породить не могут. Как говорил А.В. Запорожец, живое движение оказывается умным само по себе, а вовсе не потому, что им руководит посторонний ему интеллект. На основании сказанного можно прийти к заключению, что живое движение, обладающее тремя атрибутами души плюс фоновой рефлексией (способностью заглядывать внутрь самого себя), а следовательно, и спонтанностью, если и не вся душа, то душа души. Согласно Г.Г. Шпету, определяющий признак всех жизненных явлений — *активность*, психологии — *самочинность*, спонтанность, если угодно, можно добавить *самоактуализацию*. Под спонтанностью он понимал активность, исходящую от самой души. (Ср. с Платоном: Душа — это то, что само себя движет, причина жизненного движения существ.) Поэтому-то человек и может быть причиной самого себя (В.А. Петровский), что затрудняет другому прогнозирование его поведения и поступков. Ведь чужая душа — потемки, да и своя собственная не устает преподносить нам сюрпризы. О спонтанности детского развития (на фоне всеобщего преклонения перед принципом безрадостного детерминизма) писали только Л.И. Божович и А.В. Запорожец. Последний очень обрадовался, наткнувшись в сочинениях В.И. Ленина на термин «спонтаннейность», и использовал именно

его. Читающий В.И. Ленина А.В. Запорожец, делающий закладки в книге классика горелыми спичками, выглядел столь же странно, как выглядел бы этот классик, играющий в футбол.

Мы вновь возвращаемся к началу разговора о началах. Видимо, только там и можно найти душу. В дальнейшем она (или мы?) теряет себя в своих дифференциациях и дезинтеграциях, в размножившихся вегетативным способом видах сенсорики, перцепции, внимания, памяти, интеллекта, эмоций и чувств, типах характера и личности, растворяется в сознании или отравляется им:

Душу сражает, как громом, проклятье,
Творческий разум осилил, убил.

А. Блок

Не случайно Христос говорил: будьте как младенцы. Н. Заболоцкий бы добавил: с их *младенческой грацией души*. Для этого нужно чаще заглядывать внутрь своей души, отыскивая ее на задворках психики и сознания. По словам У. Блейка, поэзия учит открывать очи, направленные внутрь своей души. Хотя такое обучение дается нелегко, игра стоит свеч. По оптимистическим подсчетам И. Бродского, к сожалению, только один процент людей чувствителен к поэзии.

Возможно, читатель догадался, что когда речь шла о началах развития психики, то за этим разговором имелся в виду и второй план — план начала и первых лет жизни Харьковской школы, которые были необыкновенно богаты. Конечно, не все задуманное в довоенное десятилетие было осуществлено. К счастью, это плодотворное начало имело продолжение во время войны и в послевоенные годы. М. Хайдеггер говорил, что подлинное начало обязательно содержит в себе основу скачка, за-скока вперед, неизвестную полноту небывалой огромности и спора со всем бывалым. Примитивное ничего, кроме примитивного, породить не может. Об этом же

превосходно сказал Томас Элиот: *В моем начале — мой конец... В моем конце — мое начало*. В психологическом смысле, да и в любом другом, за-скок вперед — это потенциальная возможность успеха и достижений в зоне — или лучше — в перспективе ближайшего и более отдаленного развития. Многое из накопленного было уточнено и развито, целый ряд замыслов был реализован, некоторые забыты или отложены в долгий ящик. А некоторые вообще не могли быть реализованы и не могли даже возникнуть, хотя основания для их зарождения имелись. Выше я позволил себе пофантазировать относительно последних и, так сказать, вчитать их в своих учителей. В конце концов, я ведь харьковчанин не только по рождению. Я вправе считать себя учеником и участником Харьковской школы. А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин неоднократно (к моему удивлению и гордости) удостоивали меня чести быть их соавтором. Моя фантазия (или *заскок* в привычном смысле этого слова) относится к тому, что в исследованиях участников Харьковской школы содержались предпосылки для возвращения души в психологию. Разумеется, в полузадушенной стране в условиях «идеологического общежития» об этом можно (можно ли?) было только мечтать. Позволить себе сказать: *Душу от внешних условий освободить я умею* (О. Мандельштам) — могли только единицы. Когда П.Я. Гальперин спрашивал: «Это уже наконец коммунизм или будет еще хуже?» — то он имел в виду не только безытность нашей страны. Один харьковский деятель на торжественном собрании, посвященном столетию «Коммунистического манифеста», с неподдельным восхищением говорил, что Маркс и Энгельс оставили нам очень много цитат. Тут уж было не до души. Даже к исследованию сознания относились с подозрением.

Деятельность совершенно сознательно была поставлена над сознанием и лично-

стью, а личность опущена до субъекта, т.е. до под-лежащего, до какой-либо функции или набора наперед заданных свойств и функций, которые должны быть сформированы. Не задумывались только, кто уполномочил и по чьему образу и подобию. Отсюда и словосочетание «субъектность личности», хотя субъект обозначает нечто *безличное*, отсюда и идея измеримости личности. «Измеримая личность» — это такой же оксюморон, как «смертная жизнь». Я понимаю, что *число пьянит* (Ш. Бодлер), но слово отрезвляет. По П.А. Флоренскому, личность — это *предел* самопостроения, а предел измерить нельзя. Как измерить *Наш беспредельный к беспредельности порыв?* (Р. Фрост). М. Цветаева не случайно спрашивала: *Что же мне делать <...> / С этой безмерностью в мире мер?* Только безмерность может стать мерой всех вещей. Не знаю, стоворились ли в одно время работавшие вместе в челпановском Психологическом институте Н.А. Бернштейн и Л.С. Выготский или независимо друг от друга определили личность как верховный синтез поведения, деятельности, сознания. Добавлю, и синтез не в меру расплывшихся Я.

Что касается субъекта, то он вполне уместен в философской субъект-объектной парадигме. Более того, Г.Г. Шпет, ссылаясь на Г.Ф. Гегеля, говорит, что душа и даже дух могут толковаться как субъект, но субъект, понимаемый не как индивидуальная особь, не субстанционально.

Предпосылки к восстановлению дискурса о душе в Харьковской школе действительно были. Не только научные, но и личностно-биографические. А.В. Запорожец пришел в психологию из театра. Он понял, что ему как актеру недостает знаний о человеческих чувствах и переживаниях. Но парадокс был в том, что он долгие годы как бы тренировался на изучении сенсорики, перцепции, моторики и лишь в конце жизни обратился к изучению эмоциональной сферы. Как психолог он заботился

об амплификации детского развития, о непреходящей ценности каждого периода возрастного развития, т.е. о сохранности детской души. Непроизвольная память, осуществляющаяся в контексте жизнедеятельности, изучению которой П.И. Зинченко посвятил почти всю научную жизнь, есть память души, о чем много писал его ученик и последователь Г.К. Середа. Как говорила М. Цветаева: *Моя душа — мгновений след*. Как мы помним, она же дар и начало, т.е. постулированные философами доопытные черты, имеющиеся у младенца как представителя человеческого рода. Могу — мыслю — понимаю — это разум и воля. Не отвергнем и *чувственного жара*. Ученица А.В. Запорожца М.И. Лисина, многие годы изучавшая младенцев, назвала первое полугодие их жизни *золотым веком* общения. Он золотой, потому что за общением еще нет задних мыслей, умыслов, помыслов. Оно само есть все: потребность и мотив, цель, действие и страсть. М.И. Лисина называет его «чистым общением», осуществляющимся в диапазоне одних только *положительных эмоций*. А. Фет, видимо, тоскуя по золотому веку общения, воскликнул: *О, если б без слова сказаться душой было можно!* Иногда такое удается и взрослым. Конечно, душа, как и все ее атрибуты, будь они чистыми или синкретами, существуют только в выражении, а выражение — это одновременно и акты их созидания, происходящего в слиянном общении, в совокупном действии.

Еще один пример — исследования Л.И. Божович, которая в послевоенные годы обратилась к проблемам развития личности. Она усматривала путь формирования личности в постепенном освобождении ее от непосредственных влияний окружающей среды (ср. с приведенной выше строкой О. Мандельштама) и превращении ее в активного преобразователя этой среды и своей собственной личности. Л.И. Божович придавала большое значение ее внутренней позиции, считала, что

важной движущей силой психического развития ребенка являются ненасыщаемые духовные потребности.

Пожалуй, главным доводом в пользу возможной латентной интенции восстановления дискурса о душе была интерпретация упомянутых выше экзотических экспериментальных исследований А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца. Они интерпретировали сформированные новообразования в терминах *функциональных органов* индивида. Согласно А.А. Ухтомскому, функциональный орган — это всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Такие органы существуют виртуально и наблюдаемы лишь во время актуализации. К их числу А.А. Ухтомский относил не только психологическое воспоминание, интегральный образ, но и такие *доминанты души*, как внимание духу, доминанту на лицо другого человека.

А.В. Запорожец, когда он наконец обратился к эмоциональной сфере, рассматривал высшие человеческие чувства как функциональные органы индивида. У А.А. Ухтомского функциональные органы выступили двояко: как органы индивида, т.е. как виртуальные, психологические, и как органы нервной системы. А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец, в отличие от А.Р. Лурии, мало волновали зашумленные далекие отголоски психологических бурь в нервной системе. Не забудем и Л.С. Выготского, утверждавшего, что именно рождающее смыслы переживание является единицей личности и сознания. В 1970-е гг. Ф.В. Бассин, как бы в развитие этой идеи Л.С. Выготского, предложил рассматривать *значимые переживания* не только как единицу анализа психики, но и как основной предмет психологии. В дискуссии с ним А.Н. Леонтьев продолжал настаивать на том, что таким предметом является деятельность.

Взгляды Л.С. Выготского, Ф.В. Бассина, позднее Ф.Е. Василюка близки к

утверждению Ф.М. Достоевского: *страдание — единственная причина сознания*. Не пристрастие ли психологов к изучению рефлексов головного мозга объясняет пренебрежительное отношение к психологии (и психологам) писателя, стремившегося *познать все глубины души человеческой?* В своем пренебрежении Ф.М. Достоевский был не одинок. Сто лет тому назад Г.Г. Шпет писал, что жизнь и искусство готовы были навсегда порвать с психологией, так *чужды им казались ее схемы*. *А другие науки упрекали психологию в душевном водолействе*. Находясь между Сциллой и Харибдой, наука о душе ради своего спасения жертвовала душой: была провозглашена «психология без души». От идеи функциональных органов, — по Л.С. Выготскому, психологических орудий — до души и духовного организма, центром которого, видимо, является душа, остался один шаг, который мало кто из психологов решается сделать. Утешает то, что их время от времени влечет на место преступления, которое совершили их предшественники. Наугад можно назвать имена Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, К. Юнга, В. Франкла, Ж. Ньютена. Из современников назову М.К. Мамардашвили, В.А. Лефевра, Г.В. Иванченко, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадрикова, В.К. Шабельникова. Г.И. Челпанов был прав, говоря, что прежде всего нужно вернуть душу в образование; сейчас ее там не хватает значительно больше, чем в его время. *Союз души и глагола* (М. Цветаева) образованию помешать не может. Если вдруг произойдет почти невозможное и психологи озаботятся душой, *оробело вернуться к тайне* (Б. Пастернак), владевшей умами многие столетия, то исчезнут дилетантизм и фельдшеризм, станет меньше практиков-практикантов, да и сама психология станет более увлекательной и интересной. Ведь без тайны и удивления нет человека, без них невозможно и раз-

витие науки о нем. Дж. Бруннер, которому в 2015 г. исполнится сто лет, в написанной им около сорока лет назад автобиографии высказал сожаление о том, что ему не удалось теснее связать между собой психологию и искусство. А бездушное искусство в принципе невозможно. Если такая связь действительно будет установлена, за этим последует признание Ф.М. Достоевского (пусть и наряду с И.М. Сеченовым) дедушкой психологии.

Вот куда могут завести воспоминания и размышления о Харьковской психологической школе и моих учителях!

III

В недрах Харьковской психологической школы возникли научные школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьева. Добавлю и присоединившегося к ним выготчанина Д.Б. Эльконина. А.Р. Лурия, как мне кажется, сам по себе всегда был школой (и не одной!). Это произошло потому, что она, как, впрочем, и другие настоящие научные школы, была сильна своим разнообразием не только в тематике исследований при их общей направленности, но и по личным качествам ее участников.

Поделюсь своими впечатлениями об этих замечательных «одноклассниках» и о распределении ролей между ними.

А.Р. Лурия, — державшийся всегда в тени Л.С. Выготского, затем А.Н. Леонтьева, — гений. С. Тулмин, назвавший Л.С. Выготского Моцартом, назвал А.Р. Лурию Бетховеном психологии. Сам он говорил, что ему в жизни посчастливилось встретиться, дружить и сотрудничать с тремя гениями — Н.А. Бернштейном, Л.С. Выготским и С.М. Эйзенштейном. К сожалению, в последние десятилетия чаще вспоминают о его заслугах перед нейропсихологией. Я уверен, что он прежде всего замечательный психолог. Только этим можно объяснить его достижения в изучении функций

мозга. А.Р. Лурия неизменно заботился о молодежи и вместе с тем был очень требователен к ней. Самая страшная угроза с его стороны была: «Я с тобой раззнакомлюсь».

А.Н. Леонтьев — всеми добровольно и охотно признанный лидер, превосходно выполнявший эту роль. Он своими часто нарочито сложными, порой туманными размышлениями и рассуждениями о деятельности, сознании, личности, за которые трудно зацепиться идеологически озабоченным критикам, создал нечто вроде резервации, внутри которой успешно работали идеологически беззаботные участники школы (А.Р. Лурия писал в автобиографии: «Марксизм мне давался с трудом».) Целый ряд очищенных от идеологии мысленных конструкций живы до сих пор. А.Н. Леонтьев был изобретательным и тонким экспериментатором. Хотя, как верно заметил П.Я. Гальперин, эксперимент был лишь иллюстрацией к его теоретическим предположениям, не имел самоценности и нередко оставлялся им на самом интересном месте.

П.Я. Гальперин — теоретик, эрудит, учитель и исследователь. В нем удивительно сочетались широта взглядов педагога, превосходно знавшего историю психологии, и способность к самоограничению (почти павловского типа) ученого-экспериментатора. Друзья за глаза его называли рэбэ, советовались с ним по трудным вопросам. Нередко после такого разговора бывали обескуражены. Его критика была ироничной и в то же время шадящей, укоры и уколы сочетались со ссылками на трудность проблемы (семи пядей во лбу не хватит). К его критике нужно было прислушиваться. А.В. Запорожец говорил: «Петр Яковлевич зря не скажет». Он сам одновременно был и внутри школы, и сохранял полную интеллектуальную автономию, что порой раздражало А.Н. Леонтьева.

Л.И. Божович — в науке непредсказуемая и непримиримая личность, боец; в жизни — человек мягкий и добрый. До-

вольно быстро разошлась с А.Н. Леонтьевым во взглядах. Остальные искренне любили ее, она отвечала взаимностью. В психологии достаточно редкий случай, когда подлинная личность разрабатывает проблематику личности.

А.В. Запорожец — душа всего коллектива, совесть, психотерапевт, жилетка, в которую можно поплакать, копилка, в которой с гарантией можно хранить свои тайны. Какая-то «всемирная отзывчивость». Будучи сам бездетным, А.В. Запорожец любил, понимал и знал детей и посвятил почти всю свою научную деятельность детской психологии. Между прочим, в ущерб психологии искусства и общей психологии. Задуманная им в молодости книга об эмоциях так и не была написана. Больно было смотреть, как в последние десятилетия рушилась созданная им система дошкольного воспитания.

Д.Б. Эльконин — мужественный человек, стойко претерпевавший жизненные невзгоды, которых на его долю выпало предостаточно. Обладая буйным научным темпераментом, щедро разбрасывал свои идеи. Мне тоже кое-что перепало. Д.Б. Эльконин не случайно ряд лет занимался психологией игры. Элементы игры играли не последнюю роль в его собственной жизни. Дремучая серьезность была ему абсолютно чужда. К административным неприятностям он относился с иронией. Когда его в благодарность за созданную вместе с В.В. Давыдовым теорию и практику учебной деятельности Президиум АПН СССР постановил вывести из состава ученого совета Психологического института, он, смеясь, говорил: «Наверное, патроны в КГБ отсырели».

В.И. Аснин — человек твердых научных принципов. Всегда требовал строгости, четкости, ясности изложения. Коллеги звали его Яснин. Особенно он был придирчив к А.Н. Леонтьеву. Бывало, что он говорил ему: «Либо ты сам не понимаешь, что говоришь, либо ты понимаешь и нам

не хочешь сказать». А вне науки он был доброжелательным и мягким человеком.

П.И. Зинченко был труженик-одиночка, посвятивший жизнь одной проблеме — проблеме памяти. Он сам провел все свои исследования произвольной и произвольной памяти. Лишь в последние пять-шесть лет его жизни, после создания им кафедры психологии ХГУ у него появились помощники — сотрудники и аспиранты. Его психологические гены перешли к жене, дочери, сыну и внуку, а затем и к их женам. Естественно, Петр Иванович был для меня лучшим человеком на Земле. Он был больше чем отец, еще учитель, коллега, друг. Могу сравнить его только с А.В. Запорожцем, который был для меня больше чем учитель, коллега и друг. Они любили друг друга, их объединяло редко изменявшее им чувство юмора, добрая ирония, в том числе и по собственному адресу.

Все они живут в моей памяти, которая по отношению к ним подчиняется закону обратной временной перспективы. Чем дальше я уйду от них по времени, тем больше они становятся, тем ценнее и значимей кажутся их уроки.

*

Несколько слов в заключение. Конечно, научные школы не вечны. Они имеют свои естественные жизненные циклы. Однако их идеи, понятия и результаты представляют не только исторический интерес, что, впрочем, не так мало. Они поселяются в теле науки, становятся ее функциональными органами, влияют на ее дух. Научные школы меняют контекст и пейзаж науки, в нем же и растворяются. Например, научных школ, породивших ассоцианизм и гештальтпсихологию, давно нет, но без найденных ими фактов, установленных законов восприятия и памяти психология немислима. И они прекрасно уживаются друг с другом. Важно, чтобы школа была

не герметичной, а открытой, питалась бы не только своими соками, но не пренебрегала и другими источниками. Сегодня научные школы большая редкость. Их сменяют анонимные и вместе с тем самозванные направления: гуманистическая, когнитивная, позитивная, качественная и т.п. психологии. В самом их названии звучит противопоставление и вызов старой доброй психологии. А она, между прочим, была не менее, а в чем-то значительно более качественной, позитивной, когнитивной и гуманистической. Я готов согласиться с тем, что границы между понятиями «научная школа» и «научное направление» весьма неопределенны и расплывчаты. Собственно, это даже не понятия, а концепты или конструкты. Но их определение и установление границ между ними – не проблема той или иной науки, а проблема научной историографии. Важнее, что научные школы были, есть и будут. Они неистребимы, хотя и неравномерно распределены во времени. Сегодня в психологии научных школ маловато. Впрочем, цыплят по осени считают, большое видится на расстоянии. Так или иначе, не следует забывать об огромном воспитательном значении научных школ. Особое значение имеет вырабатываемый ими стиль научного мышления, которым нигде, кроме как в школе, овладеть нельзя. Я и мои сверстники, а до нас и после нас еще целый ряд поколений психологов в полной мере испытали на себе влияние научной школы, зародившейся в Харькове, оставившей в

нем достойных соратников и продолжившей свое плодотворное существование в Москве.

Два-три послевоенных десятилетия харьковчане и москвичи представляли собой самоорганизующееся научное сообщество. В 1980-е гг. после издания относительно полного «Собрания сочинений» Л.С. Выготского его имя стало символом, объединяющим школы Л.И. Божович, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца и других «одноклассников». Прежнее название – научная школа Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии – стало слишком узким. Оформилось *неформальное* направление, имеющее вполне предметное наименование: культурно-историческая психология. Некоторые предпочитают называть его культурно-деятельностной психологией. Приятно сознавать, что упомянутые выше школы продолжают жить и работать, несмотря на то что давно уже нет их основателей. В этом году было кому проводить и кому выступать с докладами на конференциях, посвященных 110-летию П.Я. Гальперина и А.Р. Лурии, а также на конференции, посвященной 80-летию Харьковской психологической школы. Я был поражен, увидев в зале более трехсот заинтересованных участников. Появилась даже уверенность, что у психологов память не самая слабая из сил души. Они понимают, что, пока мы помним, мы сами живы.

Поступила в редакцию 4. XI 2012 г.